

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО АЛЕКСАНДР НОВОСЕЛОВ ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 33954/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

28 ноября 2013

Постановление становится окончательным при наступлении условий, предусмотренных статьей 44 § 2 Конвенции. Постановление может быть подвергнуто редактированию.

По делу Александр Новоселов против России,

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель Палаты,*

Мирьяна Лазарова Трайковская,

Юлия Лаффранк,

Линос-Александр Сицильянос,

Эрик Мос,

Ксения Туркович,

Смитрий Дедов, *судьи,*

а также при участии Сёрена Нильсена, *Секретаря Секции Суда,*

Заседая за закрытыми дверями 5 ноября 2013 г.,

Вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 33954/05, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Российской Федерации Александром Валерьевичем Новоселовым (далее – «заявитель») 9 августа 2005 г.

2. Интересы заявителя представляла г-жа О. Садовская, юрист, практикующий в Нижнем Новгороде. Власти Российской Федерации были представлены Г.О. Матюшкиным - Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждает, что 27 апреля 2004 г. он был похищен сотрудниками милиции, подвергся с их стороны жестокому обращению, и государственные власти в дальнейшем не расследовали указанные события должным образом.

4. Государство-ответчик было уведомлено о поданной против него жалобе 20 мая 2008 г.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель родился в 1970 г. и проживает в Нижнем Новгороде

A. События апреля 2004 г. и последующие медицинские обследования

6. В рассматриваемый период времени заявитель являлся наемным работником в частной организации, принадлежавшей г-ну С. 1 декабря 2003 г. неизвестный открыл огонь по автомобилю г-на С. из автомата АК-74. Г-н С. во время нападения был ранен, но выжил.

7. Следственные органы подозревали в планировании нападения заявителя, а также его знакомых Д.А., Д.М. и Ш.

8. В связи с этим 21 апреля 2004 г. ГУВД по Нижегородской области был санкционирован оперативный эксперимент.

9. Сотрудники милиции, ответственные за проведение мероприятия, 26 апреля 2004 г. получили следующие инструкции:

“Сотрудникам милиции надлежит отвезти заявителя в автомобиле, принадлежащем г-ну С., в указанное место. Сотрудникам милиции следует держаться так, будто они являются сотрудниками личной охраны г-

на С. В указанном месте заявитель должен быть встречен и опрошен сотрудником милиции, задержанным под г-на С.”

10. Приблизительно в 10 часов утра 27 апреля 2004 г. заявителя по дороге на работу остановил незнакомый мужчина. Этот мужчина взял заявителя за руку и затащил его в черный автомобиль, принадлежавший г-ну С.

11. Заявитель попытался убежать и начал звать на помощь. Два других мужчины вышли из автомобиля и начали бить заявителя, принуждая его сесть в автомобиль.

12. На заявителя надели наручники и отвезли его в лесной массив в Балахнинском районе Нижегородской области.

13. Как утверждает заявитель, через некоторое время подъехал другой автомобиль, из которого вышли г-н С. и другой мужчина с пистолетом и пакетом в руках. Мужчина в камуфляжной одежде ударил заявителя по затылочной части головы. Заявитель упал на колени, и мужчина ударил его ногой по спине. Затем г-н С. нанес заявителю удар ногой в грудь. Заявитель был жестоко избит. Затем его спросили, почему он ранее желал смерти господина С. Заявитель отрицал свою причастность к попытке убийства г-на С. Мужчина в камуфляжной одежде поместил заявителю в рот дуло пистолета. При этом он разбил ему губу. Затем неизвестные надели заявителю на голову пакет так, что заявитель стал задыхаться. Несколько раз он терял сознание. Когда заявитель приходил в себя, его вновь начинали бить. Через некоторое время г-н С. сказал: «достаньте топор, отрубим ему ногу!» Когда заявитель увидел топор в руках одного из мужчин, то сказал, что напишет все, что от него требуется. Заявителю дали бумагу и ручку. Один из похитителей продиктовал заявителю показания, другой записывал на видеокамеру. Заявитель пообещал дать признательные показания сотруднику милиции В. С этой целью заявителя отвезли в отдел милиции.

14. В отделе милиции заявитель передумал и вместо явки с повинной написал жалобу на жестокое обращение со стороны г-на С. и его сообщников.

15. Вечером того же дня заявитель вернулся домой, где его встретила гражданская жена, Л. В тот же день заявитель обратился в больницу. В его медицинской карте были сделаны следующие записи:

“Госпитализирован: 27.04.2004 г., в 20.30

Выписан из стационара: 14.05.2004

Отделение: хирургия

...

Диагноз: ушиб правой почки, ушиб головного мозга, субарахноидальное кровоизлияние, ушиб мягких тканей лица, ушибы верхних и нижних конечностей, передом девятого ребра справа.

...

Со слов заявителя, 27.04.2004 приблизительно в 10 утра, рядом с площадью Свободы он был избит тремя неизвестными, затем посажен в машину, отвезен в р-н Дубравный, где его опять избили. Ему наносили удары по голове, туловищу и конечностям. Неизвестные душили его с помощью полиэтиленового пакета, он несколько раз терял сознание...”

16. 30 апреля 2004 врачом, следователем и с участием врача-судебно-медицинского эксперта в присутствии двух понятых было проведено медицинское освидетельствование заявителя. При освидетельствовании установлено:

“На разгибательной поверхности в области правого лучезапястного сустава с переходом на тыльную поверхность правой кисти 2 кровоподтека неправильно-овальной формы с нечеткими расплывчатыми контурами желтого цвета размерами 1,5х2 см и 1х2,5 см. Кровоподтеки аналогичные вышеописанным,

местами зеленоватые в центре располагаются: на передней поверхности грудной клетки слева по окологрудной линии в проекции III ребра размером 3x5 см; на передненаружной поверхности средней трети правого бедра 2 кровоподтека размером 1x2 см и 2x4 см; на задней поверхности верхней трети левой голени 3x4 см; на передней поверхности области левого коленного сустава 2 кровоподтека размером 1x3 см и 1x1,5 см соответственно. В центре вышеуказанного кровоподтека передней поверхности левой голени имеется ссадина неправильной формы 0,7x1,5 см, покрытая розово-коричневой плотной корочкой выше уровня кожи. Кровоподтеки (2) аналогичные вышеописанным располагаются в средней трети правого плеча по передне-внутренней поверхности, размерами 1x1,5 см и 1x2 см. Болезненность при пальпации и незначительно выраженный отек мягких тканей в правой теменно-височной области. Кровоизлияния точечные d=0,1 см под конъюнктиву левого глаза красного цвета. Склеры обоих глаз инъецированы.”

17. После того, как заявителя выписали из стационара, он направил все имеющиеся медицинские документы судебно-медицинскому эксперту, который пришел к следующим выводам, изложенным в заключении от 26 июля 2004 г.:

“... указанные телесные повреждения заявителя могли быть причинены 27.04.2004 г. при обстоятельствах, описанных заявителем... Имейшая место утрата трудоспособности 21 день дает основания квалифицировать данные повреждения в совокупности своей как повреждения, причинившие вред здоровью заявителя средней степени тяжести ...”

18. Следствие в дальнейшем отвергло версию о причастности заявителя к покушению на жизнь г-на С. Суд не обладает сведениями о том, к каким выводам пришло следствие относительно данного покушения.

19. 7 июня 2005 г. заявитель для целей настоящего дела получил от своей гражданской жены Л. следующие объяснения:

“Заявитель является моим гражданским мужем. 27 апреля 2004 г., приблизительно в 10 утра, мы поехали на работу. С утра мой гражданский муж ни на что не жаловался, телесных повреждений у него не было. Когда мы ехали в автобусе, он заметил, что за автобусом ехала какая-то знакомая машина. Ни марки, ни номеров я не помню. Я вышла на остановке «площадь Минина» и пошла на работу. Придя на работу, я позвонила заявителю, но он не ответил. Я попыталась дозвониться еще несколько раз, но заявитель не ответил.

Около 17.00 часов заявитель связался со мной и сказал, чтобы я ехала домой и никому не открывала дверь. Около 18.00 часов я приехала домой. Около 19.30 домой пришел заявитель. Он выглядел плохо. Лицо было синего цвета, он плохо передвигался, держался за грудную клетку. Его одежда была грязная. Он сказал, что утром, после того как мы расстались, его похитили г-н С. и его сообщники, которые вывезли его в лес, где его пытали, требуя дать признательные показания в совершении покушения на г-на С. Он также сказал мне, что после избития его привезли в ГУВД к г-ну В.

После этого заявитель пошел в больницу, где его госпитализировали. На стационарном лечении он находился до 14 мая 2004 года, после чего проходил амбулаторное лечение.”

В. Уголовное расследование

20. После жалобы заявителя от 27 апреля 2004 г. (см. выше параграф 14) прокурор Нижегородского р-на города Нижнего Новгорода («прокуратура») провел доследственную проверку. Следователь опросил г-на М., одного из сотрудников милиции, участвовавших в оперативном эксперименте, и г-на С. Касающиеся проверки документы были рассекречены, и милицкий отчет от 27 апреля 2004 г., в котором содержалось изложение рассматриваемых событий, был приобщен к делу. В отчете указано следующее:

“В 10 утра сотрудники милиции принудили заявителя сесть к ним в автомобиль с тем, чтобы заставить его поговорить с неким человеком. Заявитель звал на помощь и сопротивлялся. Сотрудники милиции применили силу. Телесных повреждений заявителю нанесено не было. В автомобиле заявитель был

доставлен в заранее указанное сотрудникам место, где его ожидал сотрудник милиции, загримированный под г-на С. Этот сотрудник спросил: «зачем ты в меня стрелял?» Заявитель испытывал стресс и демонстрировал неподдельный страх. Заявитель ответил, что он не имел отношения к попытке убийства г-на С. и не имел об указанном инциденте никакой информации. В то же время заявитель рассказал загримированному сотруднику, что 8 декабря 2003 г. он и г-н Ш. по просьбе г-на Д.М. ездили на автомобиле г-на Ш. за другим автомобилем. Для этого г-н Д.М. передал им нарисованную от руки карту места нахождения автомобиля, который нужно было забрать. Заявитель эту карту позже выкинул. На месте заявитель разговаривал с Д.М. и Д.А. по телефону. Затем заявитель вернулся на работу. Он не знал о том, что указанный автомобиль использовался при попытке убийства г-на С....

В этом отношении заявителю было предложено письменно оформить данные объяснения и направить их в прокуратуру. Заявитель выразил согласие. Заявителю посоветовали представить указанные объяснения в правоохранительные органы. Заявитель согласился передать объяснения г-ну В. В ходе указанной беседы заявитель попросил об алкоголе и деньгах в качестве вознаграждения за эти действия, и пожаловался также на тяжелые жизненные условия и низкую заработную плату, которая составляла 4 000 рублей.

В 13:15 г-н В. был уведомлен о результатах оперативного эксперимента. В. распорядился о доставлении заявителя в отдел милиции, что было исполнено. Оперативный эксперимент был завершен в 14:00”.

21. 2 и 21 июня и 17 июля 2004 г. по распоряжению следственных органов заявитель был освидетельствован врачом, который исследовал его общий внешний вид и состояние кожных покровов и провел общее медицинское обследование. Никаких телесных повреждений, за исключением шрама на ладони, обнаружено не было. Результаты данного исследования были отражены в трех медицинских заключениях.

22. 16 августа 2004 г. следователь прокуратуры вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе заявителя. В постановлении указано следующее:

“27 апреля 2004 г. заявитель обратился в прокуратуру с заявлением о привлечении к уголовной ответственности г-на С. и сотрудников его охраны, которые 27 апреля 2004 г. около 10 часов похитили его с остановки общественного транспорта пл. Свободы, затолкав его в автомобиль, после чего вывезли его в лесной массив в районе поселка Дубравный, где в течение двух-трех часов избивали его и угрожали убийством, требовали написать показания о причастности г-д Д.А. и Д.М., а также его самого к покушению на убийство г-на С. Аналогичные показания заявитель дал в ходе допроса в качестве свидетеля и при проверке его показаний на месте. Однако при проверке показаний на месте он не смог указать место, на котором его избивали похитители.

Как показал заявитель, после произошедшего он, в 20 часов 30 минут 27 апреля 2004 г. обратился в лечебное учреждение, где ему был поставлен диагноз: ушиб правой почки, гематурия, ушиб головного мозга, субарахноидальное кровоизлияние, ушиб мягких тканей лица, ушибы верхних и нижних конечностей, передом девятого ребра справа.

Однако в ходе проведенного предварительного расследования установлено, что 27 апреля 2004 года сотрудниками милиции в отношении заявителя на основании постановления и.о. начальника КМ ГУВД Нижегородской области с целью оценить причастность заявителя к попытке убийства г-на С. проводилось оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент» В ходе оперативного эксперимента заявитель был вывезен в лесной массив Балахнинского р-на Нижегородской области, где заявитель пояснил, что 8 декабря 2003 г. он вместе с г-ном Ш. по указанию г-на Д.М. выезжал в поселок Окский с целью эвакуации автомобиля. Этот автомобиль использовался при покушении на убийство г-на С. Заявитель также пояснил, что он получал инструкции от Д.М. и Д.А. относительно того, какие показания по поводу этой поездки следует давать сотрудникам милиции. Ему было предложено давать показания, в соответствии с которыми они ездили на кладбище в Автозаводский р-н города Нижнего Новгорода и по дороге туда проезжали через поселок Окский.

В ходе проведения оперативного эксперимента физическое насилие в отношении заявителя не

применялось, холодное и огнестрельное оружие не применялось и не демонстрировалось.

В ходе проведения оперативного эксперимента использовалась скрытая видео- и аудиозапись.

Данный оперативный эксперимент проводился в соответствии со статьями 6-11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Вышеизложенное подтверждается показаниями участника оперативного эксперимента М., допрошенного в качестве свидетеля.

Результаты оперативного эксперимента рассекречены и приобщены к материалам уголовного дела № 69727.

Допрошенный в качестве потерпевшего г-н С. показал, что 27 апреля 2004 г. он находился в офисе своей организации с 10 часов 00 минут до 18 часов 00 минут, отлучившись во время обеденного перерыва на 1 час. Сотрудников службы личной охраны г-н С. никуда не посылал, указания по похищению заявителя не давал.

Показания г-на С. подтверждаются показаниями свидетеля И. [кем является данное лицо Суду из представленных материалов неясно].

Таким образом, в действиях г-на С. отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ст. 116, 119, 126 УК РФ”.

23. Заявителю стало известно об участии сотрудника милиции в инциденте из указанного постановления.

24. 22 сентября 2004 г. заявитель обратился в прокуратуру с требованием привлечь к уголовной ответственности сотрудников милиции, причастных к событиям 27 апреля 2004 г. Он также оспорил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 16 августа 2004 г. в вышестоящей инстанции.

25. 30 сентября 2004 г. органы милиции распорядились об обследовании заявителя врачом-психологом с целью дать оценку личности заявителя и его склонности ко лжи. Среди прочих документов органы предоставили эксперту для изучения видеозапись показаний заявителя относительно событий 27 апреля 2004 г., а также видеозапись оперативного эксперимента 27 апреля 2004 г. В соответствующем заключении эксперта — психолога от 28 января 2005 г. указано, что «тип личности заявителя с повышенной тревожностью, конформный, с повышенной зависимостью от окружающих», что могло объяснить тот факт, что заявитель ранее многократно менял свои показания. В описании обстоятельств дела также содержится ссылка на данный отчет и цитата из него:

“... В ходе оперативного эксперимента, когда сотрудники милиции представлялись сотрудниками охраны г-на С. и самим г-ном С. и оказывали психологическое давление на заявителя (в дневное время в людном месте он был насильно усажен в автомобиль, отвезен в лесной массив, где от него требовали признания в покушении на жизнь г-на С...). Эти действия сотрудников милиции могли спровоцировать в заявителе чувство тревоги, страха за собственную жизнь, будущее и желание предотвратить негативные последствия ...”

26. 19 октября 2004 г. заместитель прокурора Нижегородской области отменил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и вернул материал на дополнительную проверку, установив следующее:

“Заявитель обратился в прокуратуру Нижегородской области с жалобой на необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела по его заявлению от 27 апреля 2004 г.

Изучив материалы уголовного дела № 697272 и жалобу заявителя, следует отметить, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 16 августа 2004 г. вынесено преждевременно и требует

дополнительной проверки. В связи с этим жалоба заявителя подлежит удовлетворению”.

27. В данном постановлении сотрудник прокуратуры Нижегородской области не указал никаких конкретных недостатков расследования, на которые жаловался заявитель.

28. 18 марта 2005 г. следственные органы вынесли новое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Первая часть указанного постановления цитирует установленное прокуратурой ранее (см. выше параграф 22). В остальной части говорится следующее:

“По данным судебно-медицинских экспертиз от 2, 21 июня и 17 июля 2004 г, а также по данным освидетельствования от 30 апреля 2004 г. и по показаниям судебно-медицинского эксперта Я., наличие зафиксированных в больнице у заявителя телесных повреждений не подтверждается.

16 августа 2004 г. прокуратурой было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении г-на С. по статьям 116, 119, 126 УК РФ за отсутствием в деяниях г-на С. состава преступления.

19 октября 2004 г. прокуратурой Нижегородской области постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено, и материалы были возвращены для дополнительной проверки.

По данным городской подстанции Скорой помощи, медицинская бригада заявителем не вызывалась.

Опрошенный в отношении показаний заявителя г-н Ш. пояснил, что в один из дней в конце апреля 2004 г. он разговаривал с заявителем по телефону и тот рассказал, что его избили. На вопрос г-на Ш. «Ты где?» заявитель пояснил, что находится в сауне. Телефонная компания подтвердила, что 27 апреля 2004 г. после 16 часов телефон заявителя находился в секторе, где находится другое его место работы, саун-клуб «Атлантик».

Дополнительно опрошенный в качестве свидетеля участник оперативного эксперимента М. вновь подтвердил свои данные ранее показания. Он пояснил, что во время мероприятия никаких противоправных действий: физических, психических и психотропных — в отношении заявителя не применялось. Холодное и огнестрельное оружие не использовалось и не демонстрировалось. Физическая сила и спецсредства не применялись. Видимых телесных повреждений у заявителя не было. На состояние своего здоровья он не жаловался. После того, как заявитель сел в машину, никакого сопротивления и неповиновения он не оказывал. При проведении оперативного эксперимента сам заявитель никаких повреждений себе не причинял. М. также подтвердил, что под г-на С. был заgrimирован оперативный сотрудник милиции.

Опрошенные в качестве свидетелей знакомые заявителя С.О. и М.Б. пояснили, что видели заявителя 27 апреля 2004 г., после предполагаемого инцидента. У заявителя не было видимых телесных повреждений и на здоровье он не жаловался. Вел себя раскованно, спокойно употреблял спиртное - коньяк.

По данным психологической судебной экспертизы от 28 января 2005 г. (№ 340/4446/27): тип личности заявителя с повышенной тревожностью, конформный, с повышенной зависимостью от окружающих. Данные заявителем показания о его непричастности к эвакуации автомобиля и его показания об оказанном на него давлении являются неискренними.

Кроме того, показания, данные заявителем в ходе оперативного эксперимента впоследствии были подтверждены другими материалами уголовного дела, а измененные его показания подтверждения не нашли.

В ходе проведенной проверки и проведенного предварительного расследования установлен факт проведения в отношении заявителя оперативно-розыскного мероприятия - оперативный эксперимент, которое было проведено в соответствии с Федеральным законодательством РФ.

Каких-либо объективных данных, свидетельствующих о том, что при данном мероприятии заявитель был

был избит, в отношении него было применено психологическое, физическое, моральное насилие, ему были причинены телесные повреждения, - в ходе проведенной проверки получено не было.

Опровергнуть указанные показания, данные г-ном М. и г-ном С. и другими свидетелями, не представилось возможным.

Каких-либо данных, свидетельствующих о том, что сотрудники милиции совершили преступления, предусмотренные статьями 116, 119, 126, 285 и 286 УК РФ в ходе проведенного предварительного расследования получено не было.

Не было обнаружено никаких подтверждений версии событий, которой придерживается заявитель. Предусмотренные законом возможности для собирания доказательств исчерпаны.

Таким образом, в действиях сотрудников милиции отсутствуют признаки составов преступлений, предусмотренных статьями 116, 119, 126, 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации”.

29. Заявитель обжаловал отказ в возбуждении уголовного дела в суде. Он жаловался, что следственные органы не произвели необходимых следственных действий. В частности, сотрудник милиции, который участвовал в оперативном эксперименте загримированным под г-на С., не был допрошен. Следственные органы не исследовали медицинские документы, представленные заявителем, и видеозаписи оперативного эксперимента. Заявитель также отметил, что следственные органы не учли и не рассмотрели предполагаемое применение силы в момент, когда заявитель был насильно помещен в автомобиль. В суде заявитель также обратил внимание на то упущение, что сотрудники прокуратуры не нашли ни одного свидетеля похищения заявителя.

30. 12 мая 2005 г. Советский районный суд города Нижнего Новгорода оставил жалобу заявителя без удовлетворения, установив следующее:

“Как следует из материалов уголовного дела № 69727, в отношении заявителя на основании постановления ГУВД от 21 апреля 2004 г. был проведен оперативный эксперимент с целью проверки предполагаемой причастности заявителя к совершению уголовного преступления. В ходе эксперимента заявитель был посажен в автомобиль и вывезен в лес Балахнинского района Нижегородской области.

Согласно протоколу проведения эксперимента, а также протоколу допроса М., подтвердившего свои показания в суде, насилие и оружие в отношении заявителя не применялись. Согласно показаниям заявителя, у него имелись телесные повреждения, которые подтверждаются справками из больницы. Проверка подлинности данных справок выделена следствием в отдельное производство постановлением от 21 марта 2005 г., и поэтому не может быть предметом рассмотрения в данном судебном заседании.

После рассекречивания результатов оперативного эксперимента следствием была произведена распечатка аудио- и видеозаписей, с которыми были ознакомлены участвующие в деле лица. Сведений о ходатайствах заявителя о проведении фоноскопической экспертизы указанных записей суду представлено не было.

В судебном заседании заявитель показал, что следствием не были опрошены лица, явившиеся свидетелями его похищения 27 апреля 2004 г. на пл. Свободы г. Нижнего Новгорода, а также не был установлен факт звонка по номеру 02 одним из лиц, стоявших на остановке. Однако самим потерпевшим и его адвокатом попыток найти потенциальных свидетелей не предпринималось. Данные об этих лицах суду представлены не были.

На основании всего изложенного суд приходит к выводу, что заявителем не было представлено новых сведений, опровергавших бы законность вынесения оспариваемого постановления.

По мнению суда, оспариваемое постановление вынесено следователем на основе всех имеющихся в его распоряжении доказательств, и им дана правильная юридическая оценка.

В связи с чем суд не усматривает оснований для удовлетворения жалобы заявителя”.

31. 24 июня 2005 г. Нижегородский областной суд кассационным определением оставил в силе постановление суда первой инстанции, установив следующее:

“Проверив доводы жалобы, судебная коллегия не находит оснований для ее удовлетворения.

Суд в полном соответствии со статьей 125 УПК РФ проверил законность и обоснованность постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела.

В судебном постановлении приведены аргументированные суждения, в соответствии с которыми, исходя из представленного суду материала, сделан вывод о надлежащей проверке органами прокуратуры обстоятельств, изложенных заявителем...

Доводы кассационной жалобы о неполноте проверочных действий несостоятельны.

Судом правильно указано на то обстоятельство, что фактические данные, связанные с причинением заявителю телесных повреждений 27 апреля 2004 г., выделенные прокуратурой в отдельное производство, в рамках которого проверочные действия продолжаются, в силу чего указанное обстоятельство не являлось предметом данного судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ.

Аргумент защиты относительно неверной оценки доказательственного материала не может быть принят судом в силу того, что на данной стадии процесса суд не вправе исследовать по существу имеющиеся в деле доказательства, давать им оценку, поскольку дело не рассматривается судом в полном объеме.

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела вынесено уполномоченным должностным лицом органов прокуратуры, в пределах предоставленной ему законом компетенции, в соответствии с положениями статей 145, 148 УПК РФ.

С учетом изложенного, постановление суда от 12.05.2005 г. является законным и обоснованным”.

32. 10 сентября 2008 г. уголовное расследование, возбужденное постановлением от 21 марта 2005 г. по факту подделки медицинских документов заявителя, что упоминалось в судебных решениях (см. выше параграфы 30 и 31), было прекращено в связи с отсутствием признаков преступления.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Конституция Российской Федерации

33. Статьи 20, 21 Конституции гарантируют каждому право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, которые должны охраняться государством. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

34. Статьи 45 и 46 Конституции гарантируют судебную защиту конституционных прав.

35. Статьи 52 и 53 Конституции защищают права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

В. Уголовный кодекс Российской Федерации

36. Статья 112 часть 1 Уголовного кодекса Российской Федерации в редакции от 13 июня 1996 г. гласит, что умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в статье 111 настоящего Кодекса, но вызвавшего длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет. То же деяние, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

37. Статья 286 часть 3 (а) Уголовного кодекса гласит, что совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

С. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

38. Статья 140 УПК РФ гласит, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

39. Статья 144 УПК РФ гласит, что дознаватель, орган дознания, следователь и прокурор обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. В исключительных случаях решение может быть принято не позднее 10 суток со дня поступления сообщения. По результатам проверки может быть принято одно из следующих решений: (а) о возбуждении уголовного дела; (б) об отказе в возбуждении уголовного дела; или (с) о передаче сообщения по подследственности (статья 145 УПК РФ).

40. Статья 125 УПК РФ гласит, что постановления дознавателя, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суд по месту производства предварительного расследования. Судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, прокурора.

41. Статья 213 УПК РФ гласит, что уголовное дело прекращается по постановлению следователя, копия которого направляется прокурору. Постановление должно быть мотивированным, в нем указываются обстоятельства, послужившие поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, и основания для его прекращения. Следователь вручает либо направляет копию постановления о прекращении уголовного дела потерпевшему и лицу, направившему жалобу.

42. Статья 221 УПК РФ гласит, что прокурор осуществляет общий надзор за производством по уголовному делу. В частности, прокурор может распоряжаться о проведении следственных действий, передавать производство по делу другому следователю, отменять незаконные и необоснованные решения по делу, принятые следователем или дознавателем.

Д. ФЗ Об оперативно-розыскной деятельности

43. Федеральный закон Об оперативно-розыскной деятельности от 12 августа 1995 г. (№

144-ФЗ) устанавливает следующие задачи осуществления оперативно-розыскной деятельности: (1) выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; (2) осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; (3) добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации (статья 2).

44. Органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции. Не допускается осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и решения задач, не предусмотренных настоящим Федеральным законом (статья 5).

45. Оперативно-розыскные мероприятия включают, кроме прочего, проведение оперативного эксперимента (статья 6).

46. Статья 7 ФЗ Об оперативно-розыскной деятельности гласит, что основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий является, кроме прочего, наличие возбужденного уголовного дела.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ И РАССЛЕДОВАНИЕМ ДАННОГО ФАКТА

47. Заявитель жалуется, что он был подвергнут жестокому обращению со стороны сотрудников полиции в ходе оперативного эксперимента 27 апреля 2004 г. Он также жалуется, что власти не расследовали данные события должным образом. Суд рассмотрит жалобу в этой части в свете статьи 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию”

A. Доводы сторон

48. Государство-ответчик настаивает, что заявитель не смог представить доказательства жестокого с ним обращения, которые могли бы вне разумного сомнения подтвердить его обвинения. Заявитель также не представил подтверждений тому, что телесные повреждения не были получены им до оперативного эксперимента. В то же время, государство-ответчик утверждает, что заявитель не обжаловал действия сотрудников милиции во внутригосударственном суде и не требовал уголовного преследования указанных сотрудников милиции.

49. Заявитель не согласился с позицией властей, и продолжает настаивать на своих жалобах Суду. Он, в частности, указал, что представил медицинские документы, подтверждающие его телесные повреждения. Он отметил, что подлинность указанных медицинских документов подтверждена следствием.

50. Заявитель настаивает, что он исчерпал все внутригосударственные средства правовой защиты. Заявитель утверждает, что изначально подавал заявление о преступлении, жалуясь на действия г-на С., так как он искренне полагал, что был избит г-ном С. и сотрудниками его

личной охраны. Как только заявителю стало известно о том, что в инциденте участвовали сотрудники милиции, он обратился к компетентным властям с новой жалобой, в которой просил привлечь к уголовной ответственности сотрудников милиции, участвовавших в оперативном эксперименте.

В. Оценка Судом доказательств и установленных фактов

1. Приемлемость

51. Что касается аргумента государства-ответчика о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, Суд повторяет, что неисчерпание внутригосударственных средств правовой защиты не может быть использовано против заявителя, если, несмотря на неисполнение последним всех предписанных формальностей, компетентные власти тем не менее рассматривали требование заявителя, о котором идет речь в настоящем Суде (см., учитывая соответствующие различия, *Джавадов против России (Dzhavadov v. Russia)*, № 30160/04, § 27, постановление от 27 сентября 2007 г.; решение о приемлемости жалобы по делу *Скалка против Польши (Skalka v. Poland)*, № 43425/98, от 3 октября 2002 г.; решение о частичной приемлемости жалобы по делу *Церковь Бессарабской Митрополии и другие против Молдовы (Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova)*, № 45701/99, от 7 июня 2001 г.; решение о приемлемости жалобы по делу *Эдельмайер против Австрии (Edelmayer v. Austria)*, № 33979/96, от 21 марта 2000 г.).

52. Что касается рассматриваемого дела, то как следственные органы, так и суды на национальном уровне рассматривали жалобы заявителя на предполагаемое жестокое обращение в ходе оперативного эксперимента 27 апреля 2004 г. по существу и отклонили их как безосновательные (см. выше параграфы 20, 28, 30 и 31). Более того, заявителю стало известно об участии сотрудников милиции в указанных событиях из постановления от 16 августа 2004 г. (см. выше параграфы 22-23), и он сразу же обратился к властям с просьбой привлечь к уголовной ответственности сотрудников милиции, которые, как он утверждал, применили в его отношении жестокое обращение (см. выше параграф 24). Это было сделано в рамках продолжающегося на тот момент расследования событий апреля 2004 г. С учетом сказанного, Суд не может принять тот аргумент, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты. Следовательно, Суд отклоняет соответствующий довод государства-ответчика.

53. Суд также отмечает, что настоящая жалоба в рамках статьи 3 Конвенции не является явно необоснованной в значении статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

(а) Жестокое обращение с заявителем

(i) Общие принципы

54. Как Суд многократно повторял ранее, статья 3 Конвенции охраняет одну из самых фундаментальных ценностей демократического общества. Даже в сложнейших обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция категорически запрещает применение пыток и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, вне зависимости от поведения жертвы (см., помимо многих других прецедентов, *Лабита против Италии (Labita v. Italy)* [Большая Палата] № 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV и *Сельмуни против Франции (Selmouni v. France)* [Большая

Палата] № 25803/94, § 95, ECHR 1999-V). Статья 3 не подразумевает никаких исключений, запрещены любые отступления от статьи 3, даже при чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации. Статья 3 содержит однозначные формулировки, устанавливающие, что любой человек имеет абсолютное и неизменное право не подвергаться пыткам, или бесчеловечному, или унижающему человеческое достоинство обращению в любых обстоятельствах. Философская основа абсолютной природы прав, гарантированных статьей 3 Конвенции, не предусматривает никаких исключений, оправдывающих обстоятельств или оценки значимости преследуемой цели, вне зависимости от поведения, которого придерживается человек, и вне зависимости от характера совершенного правонарушения (см., например, *Гёфген против Германии (Gäfgen v. Germany)* [Большая палата], № 22978/05, § 107, ECHR 2010).

55. Суд повторяет, что заявления о жестоком обращении должны быть подкреплены достаточными доказательствами. Для оценки этих доказательств Суд всегда придерживался стандарта доказывания «вне разумного сомнения». Тем не менее, такое доказывание может вытекать из наличия достаточно обоснованных и логически согласующихся выводов и не опровергнутых предположений о событиях (см. дело *Ирландия против Соединенного Королевства (Ireland v. the United Kingdom)*, постановление от 18 января 1978 г., § 161 Серия А № 25). Когда рассматриваемые события находились в полной или большей мере под исключительным контролем властей, как в случае содержания государством гражданина под стражей, есть достаточные основания для соответствующих выводов об источнике телесных повреждений, возникших во время содержания под стражей. Когда задержанное лицо не имеет телесных повреждений на момент задержания, но при освобождении телесные повреждения обнаруживаются, бремя доказывания может лежать на государстве, которому надлежит представить удовлетворительное и убедительное объяснение тому, каким образом были получены данные повреждения (см. *Салман против Турции (Salman v. Turkey)* [Большая Палата], № 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII и *Рибич против Австрии (Ribitsch v. Austria)*, постановление от 4 декабря 1995 г., § 34, серия А, № 336).

56. Суд далее повторяет свою установившуюся позицию: статья 3 налагает на государство обязанность защищать и охранять физическое благополучие лиц, которые оказываются в ситуации, когда они уязвимы по той причине, что они полностью под контролем властей, как например, содержащиеся под стражей граждане и граждане, призванные на военную службу (см. *Чембер против России (Chember v. Russia)*, № 7188/03, § 50, постановление от 3 июля 2008 г.; *Сарбан против Молдовы (Sarban v. Moldova)*, № 3456/05, § 77, постановление от 4 октября 2005 г.; *Яллох против Германии (Jalloh v. Germany)* [Большая палата], № 54810/00, § 69, ECHR 2006-IX; и *Муизель против Франции (Mouisel v. France)*, № 67263/01, § 40, ECHR 2002-IX). Тем не менее, с учетом абсолютной природы прав, гарантированных статьей 3 Конвенции, которая не позволяет никаких отступлений, указанное обязательство не может быть отнесено исключительно к специфическому контексту военных учреждений или мест содержания под стражей. Данное обязательство относится также к другим ситуациям, когда физическое здоровье человека, в конечном счете, зависит от действий представителей власти, которых закон обязывает принимать в рамках своих полномочий все меры, которые могут быть необходимы для избежания риска причинения вреда жизни или здоровью (см., с учетом соответствующих различий, *Пол и Одри Эдварды против Соединенного Королевства (Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom)*, № 46477/99, § 55, ECHR 2002-II).

57. Что касается оценки минимальной степени жестокости, необходимой для того, чтобы правонарушение оценивалось в значении статьи 3 Конвенции, Суд отмечает, что эта степень относительна: она зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность предполагаемого дурного обращения, его воздействие на физическое / психическое состояние потерпевшего и, в некоторых случаях, от половой принадлежности, возраста и состояния здоровья потерпевшего (см. *Текин против Турции (Tekin v. Turkey)*, постановление от 9 июня 1998 г., § 52, *Сборник постановлений и решений 1998-IV*).

58. Согласно установившемуся подходу Суда к данному вопросу, обращение признается

«бесчеловечным», если оно было намеренным, применялось в течение нескольких часов и причинило или телесные повреждения или сильные психические или нравственные страдания (см. *Дания, Нидерланды, Норвегия и Швеция против Греции (Denmark, Norway, Sweden and the Netherlands v. Greece (the "Greek case"))*), по жалобам №№ 3321/67, 3322/67, 3323/67 и 3344/67, доклад Комиссии от 5 ноября 1969 г., Yearbook XII). Вопрос о том, имело ли указанное обращение своей целью причинить жертве страдания, следует учитывать, но он не является дифференцирующим фактором, и отсутствие подобной цели само по себе не исключает нарушение статьи 3 (см. *Дания, Нидерланды, Норвегия и Швеция против Греции, приводимое выше*, и *Пирс против Греции (Peers v. Greece)*, № 28524/95, § 74, ECHR 2001-III).

(ii) Применение указанных принципов в рассматриваемом деле

59. Суд отмечает, что в результате медицинского обследования 27 и 30 апреля 2004 г. заявителю были поставлены диагнозы: «ушиб правой почки, ушиб головного мозга, ушиб мягких тканей лица, ушибы верхних и нижних конечностей», включая гематомы на правой руке, грудной клетке, правом бедре, левой ноге, на левом колене, правом плече, правом виске, а также разрыв кровеносного сосуда в левом глазу, а также «выделение крови с мочой, субарахноидальное кровоизлияние и перелом девятого ребра справа» (см. выше параграфы 15 и 16). Суд приходит к выводу, что телесные повреждения заявителя являлись достаточно серьезными для того, чтобы достигать «минимального уровня жестокости» для значения статьи 3 Конвенции.

60. Далее Суд отмечает, что обе стороны согласились с тем, что 27 апреля 2004 г. заявитель был вовлечен в оперативный эксперимент, проведенный задержанными сотрудниками милиции, и, следовательно, находился под контролем государства (см. выше параграфы 10 — 14 и 20). В отчете сотрудников милиции от 27 апреля 2004 г. нет никакой информации, указывающей на то, что заявитель уже имел указанные телесные повреждения до начала оперативного мероприятия. Сами сотрудники милиции поясняли, что заявитель не имел видимых телесных повреждений и выглядел здоровым (см. выше параграф 28), что также подтверждается показаниями гражданской жены заявителя Л. от 7 июня 2005 г. (см. выше параграф 19). Более того, в материалах дела нет никаких указаний на то, что заявитель мог получить повреждения в период времени между окончанием оперативного эксперимента (когда он был отпущен) и первым посещением врача 27 апреля 2004 г. Следовательно, Суд заключает, что заявитель был здоров перед началом оперативного эксперимента и не имел указанных телесных повреждений.

61. Суд находит, что заявитель детально описал жестокое обращение, которому его подвергли сотрудники милиции, и его описание соответствует времени появления, характеру и расположению диагностированных телесных повреждений, и также соответствует показаниям свидетелей (см. выше параграфы 15, 16 и 19). В этих обстоятельствах Суд приходит к выводу, что телесные повреждения заявитель получил в то время, когда находился под контролем сотрудников милиции (см., с учетом соответствующих различий, *Махашевы против России (Makhashevy v. Russia)*, № 20546/07, §§ 158-162, постановление от 31 июля 2012 г.; и см., в качестве противоположного примера, *Максимов против России (Maksimov v. Russia)*, № 43233/02, §§ 80-82, постановление от 18 марта 2010 г.).

62. Учитывая обязательство властей обеспечить объяснение тому, каким образом лицо, находящееся под их контролем, получило телесные повреждения (см. *Аблязов против России (Ablyazov v. Russia)*, № 22867/05, § 49, постановление от 30 октября 2012 г.), и учитывая отсутствие убедительного и правдоподобного объяснения со стороны государства-ответчика, Суд установил, что телесные повреждения, отраженные в медицинском заключении, стали результатом того обращения, на которое жалуется заявитель, и ответственность за которое лежит на государстве (см. *Полонский против России (Polonskiy v. Russia)*, № 30033/05, § 123, постановление от 19 марта 2009 г.).

63. Учтя доводы сторон, Суд установил, что в результате оперативного эксперимента 27 апреля 2004 г. заявитель был похищен сотрудниками милиции, которые были задержаны

и представлялись сотрудниками частной охраны. Мероприятие длилось несколько часов, в течение которых заявителя жестоко избивали и таким образом, а также с помощью угроз, заставляли отвечать на вопросы, в ходе чего заявитель неоднократно терял сознание. Данный способ жестокого обращения был применен к заявителю намеренно, с целью запугать, унижить заявителя и сломать его физическое и психологическое сопротивление с тем, чтобы он дал признательные показания в совершении уголовного преступления.

64. В рассматриваемом деле сотрудники милиции действовали жестоко и безжалостно, и операция целиком проводилась с полного информированного согласия вышестоящих сотрудников регионального Министерства внутренних дел (см. выше параграф 8). Суд находит, что подобным действиям властей нет места в демократическом обществе, и сами по себе они противоречат обязательствам государства по статье 3 Конвенции.

65. В этом отношении Суд подчеркивает, что, согласно большому количеству прецедентов Суда (см. *Чahal против Соединенного Королевства (Chahal v. the United Kingdom)*, постановление от 15 ноября 1996 г., § 79, Сборник постановлений и решений (*Reports of Judgments and Decisions*) 1996-V); *Лабума против Италии*, приводимое выше, § 119; *Сельмуни против Франции*, приводимое выше, § 95; *V. против Соединенного Королевства (V. v. the United Kingdom)* [Большая палата], № 24888/94, § 69, ECHR 1999-IX; *Рамирес Санчес против Франции (Ramirez Sanchez v. France)* [Большая палата], № 59450/00, § 116, ECHR 2006-IX; *Саади против Италии (Saadi v. Italy)* [Большая палата], № 37201/06, § 127, ECHR 2008; и *Гефген против Германии*, приводимое выше, § 107), запрет на применение пыток распространяется на любого человека, вне зависимости от поведения жертвы или мотивации властей. Отклонение от этого запрета непозволительно даже при чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации. Статья 3 содержит однозначные формулировки, устанавливающие, что любой человек имеет абсолютное и неизменное право не подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению в любых обстоятельствах. Философская основа абсолютной природы прав, гарантированных статьей 3 Конвенции, не предусматривает никаких исключений или оправдывающих обстоятельств или оценки значимости преследуемой цели, вне зависимости от поведения, которого придерживается человек, и вне зависимости от характера совершенного правонарушения.

66. Суд не сомневается, что вышеуказанные формы жестокого обращения причинили заявителю сильную физическую боль и страдания, и что они были применены к нему намеренно. Учитывая соответствующие факторы, на которые Суд ранее не раз ссылался в прецедентных делах (см. выше параграфы 57-58), Суд установил, что насилие и угрозы, причиненные заявителю, достигали уровня пытки в значении статьи 3 Конвенции.

67. Следовательно, Суд установил, что в этом отношении имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальной части.

(b) Последующее расследование

(i) Общие принципы

68. Суд повторяет, что в случае, когда гражданин обращается к властям с небезосновательным заявлением о том, что он подвергся жестокому обращению со стороны полиции в нарушение статьи 3, то эта статья, при толковании в сочетании с установленными статьей 1 Конвенции обязательствами государства «обеспечивать каждому, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции», косвенно требует от государства эффективного официального расследования. Данное расследование должно быть в состоянии привести к установлению и наказанию виновных (см. *Ассенов и другие против Болгарии (Assenov and Others v. Bulgaria)*, постановление от 28 октября 1998 г., Доклады 1998-VIII, § 102).

69. Обязательство расследовать включает средства, а не результат: каждое расследование

не обязательно должно быть успешным или приходиться к выводу, совпадающему с версией заявителя; тем не менее, оно в принципе должно быть в состоянии привести к установлению истины по делу и, если утверждения заявителя соответствуют действительности, к установлению личностей и наказанию ответственных (см. *Пол и Одри Эвансы*, приводимое выше, § 71; и *Махмут Кая против Турции* (*Mahmut Kaya v. Turkey*), № 22535/93, § 124, ECHR 2000-III).

70. Расследование серьезных заявлений о предполагаемом жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что компетентные власти всегда должны применять серьезные усилия для выяснения обстоятельств произошедшего и не должны полагаться на скоропостижные или необоснованные выводы как на основание для прекращения расследования или как на аргументы для принимаемых решений (см. дело *Ассенов и другие*, приводимое выше, §§ 103 и следующие за ним). Власти должны предпринять все доступные разумные меры для обеспечения сбора и сохранения доказательственного материала, такого как показание свидетелей и заключения судебных экспертов (см., с учетом соответствующих различий, *Салман против Турции*, приводимое выше, § 106; *Танрикулу против Турции* (*Tanrikulu v. Turkey*), [Большая палата], № 23763/94, §§ 104 и следующие за ним, ECHR 1999-IV; и *Гюль против Турции* (*Gül v. Turkey*), № 22676/93, § 89, постановление от 14 декабря 2000 г.). Любой недостаток следственных действий, который подрывает его способность установить причину телесных повреждений и ответственных, рискует привести следствие в несоответствие с названным стандартом.

71. Кроме того, расследование не должно быть затянуто. В делах, рассматриваемых в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции, когда под вопросом эффективность официального внутригосударственного расследования, Суд, как правило, оценивает, была ли реакция властей на жалобы быстрой и оперативной (см. дело *Лабита против Италии*, приводимое выше, §§133 и следующие за ним). Суд оценивает начальные шаги следствия, задержки в получении показаний (см. *Тимурташ против Турции*, № 23531/94, § 89, ECHR 2000-VI; и *Текин против Турции*, приводимое выше, *Сборник* 1998-IV, § 67), а также время, потребовавшееся следствию для завершения первоочередных шагов следствия (см. *Инделикато против Италии* (*Indelicato v. Italy*), № 31143/96, § 37, постановление от 18 октября 2001 г.).

(ii) Применение указанные принципы в рассматриваемом деле

72. Суд установил, что представленные медицинские материалы (см. выше параграфы 15 и 16) и тот факт, что заявитель получил телесные повреждения в то время, когда находился под контролем государства, дают разумное основание полагать, что телесные повреждения были нанесены заявителю сотрудниками милиции. Следовательно, на внутригосударственных следственных органах лежала обязанность провести эффективное официальное расследование указанных обстоятельств.

73. Суд признает, что власти быстро отреагировали на жалобы заявителя (см. выше параграфы 20, 21 и 26), но Суд не считает, что расследование было достаточно тщательным, чтобы отвечать требованиям статьи 3, по следующим причинам.

74. Во-первых, расследование обстоятельств, при которых заявитель получил телесные повреждения, оказалось достаточно ограниченным. Прокуратура опросила лишь одного из троих сотрудников милиции, которых заявитель обвинял в жестоком обращении. Не был учтен тот факт, что опрошенный сотрудник милиции очевидно имел интерес в определенном исходе расследования и в том, чтобы оградить себя от уголовного преследования. Достоверность показаний этого сотрудника не ставилась под сомнение. Несмотря на то, что оставшиеся два сотрудника милиции были установлены, следственные органы их не опрашивали. Более того, ходатайство заявителя от 22 сентября 2004 г., в котором он просил власти расследовать участие сотрудников милиции в рассматриваемых событиях, было проигнорировано (см. выше параграфы 22 и 24).

75. Суд далее отмечает, что полное расследование обстоятельств требовало тщательного

сравнения доказательственного материала с учетом особых деталей, а также ряда допросов и очных ставок, которые не были проведены. Учитывая важную роль такого следственного действия, как получение показаний свидетелей, подозреваемых и потерпевших, что в конечном итоге должно привести к установлению истины, Суд отмечает, что следственные органы не опрашивали г-на В., то есть того представителя власти, к которому с жалобами обратился заявитель сразу же после происшествия, 27 апреля 2004 г. (см. выше параграф 14), г-жу Л. или врачей, обнаруживших телесные повреждения заявителя. Следственные органы также не уделили должного внимания аудио- и видеозаписям оперативного эксперимента, упомянутым в постановлении от 16 августа 2004 г. (см. выше параграф 22), использовав их лишь косвенно для целей проведения психологической экспертизы заявителя, датированной 28 января 2005 г. (см. выше параграф 25), но не с тем чтобы пролить свет на события 27 апреля 2004 г., что было бы более важно и логично. Суду представляется, что эта важнейшая часть доказательственного материала, которая в решениях национальных судов по рассматриваемому делу и вовсе не упоминается (см. выше параграфы 30 и 31), могла бы подтвердить или опровергнуть утверждения заявителя.

76. Также необходимо отметить, что прокуратура не исследовала факт применения физической силы к заявителю в тот момент, когда его заставили сесть в машину, а это обстоятельство было подтверждено рапортом милиции о проведенном оперативном эксперименте от 27 апреля 2004 г. (см. выше параграф 20). Таким образом, Суд установил, что расследование внутригосударственных властей обстоятельств рассматриваемого инцидента было поверхностным и формальным.

77. Наконец, Суд исследовал последнее постановление следственных органов, которое перечисляет факты, установленные следствием (см. выше параграф 28), а также представленные Суду решения национальных судов по рассматриваемому делу (см. выше параграфы 30 и 31). Отказ властей принять медицинские документы, представленные заявителем, как доказательства предполагаемого жестокого обращения был очевидно необоснованным, так как не было предложено ни одного разумного основания для такого отказа; тем более учитывая тот факт, что впоследствии эти медицинские документы были признаны подлинными (см. выше параграф 32). Таким образом, власти не предложили ни одного правдоподобного альтернативного объяснения тому, при каких обстоятельствах заявитель получил телесные повреждения (см. *Некто против России (Nechto v. Russia)*, № 24893/05, § 90, постановление от 24 января 2012 г.; и *Ванфули против России (Vanfuli v. Russia)*, № 24885/05, § 82, постановление от 3 ноября 2011 г.).

78. Все вышеизложенное дает Суду основание сделать вывод, что внутригосударственное расследование жалоб заявителя на жестокое обращение не может считаться «эффективным». Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальной части.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

79. Заявитель жалуется, что расследование его жалоб на жестокое обращение было неэффективным, что противоречит статье 13 Конвенции, которая гласит:

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

80. Суд находит, что жалоба в данной части затрагивает те же вопросы, что были рассмотрены Судом выше в рамках процессуальной части статьи 3 Конвенции. Следовательно, жалобу в этой части надлежит считать приемлемой. Тем не менее, учитывая собственные заключения относительно статьи 3 Конвенции, Суд не видит необходимости рассматривать те же вопросы отдельно в рамках статьи 13 Конвенции (см., например, дела *Бекос и Кутропулос против Греции (Bekos and Koutropoulos v. Greece)*, № 15250/02, § 57, ЕСЧР 2005-ХІІІ (извлечения); *Полонский против России*, приводимое выше, § 127;

Шерстобитов против России (Sherstobitov v. Russia), № 16266/03, § 94, постановление от 10 июня 2010 г.; и *Сулейманов против России*, № 32501/11, § 157, постановление от 22 января 2013 г.).

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

81. Статья 41 Конвенции гласит:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Ущерб

82. Заявитель просит о компенсации материального ущерба в связи с потерей временной нетрудоспособности в размере 30 000 евро; и о компенсации нематериального ущерба в размере 35 000 евро.

83. Государство-ответчик не согласилось с указанными требованиями и посчитало их чрезмерными.

84. Суд не усматривает причинно-следственной связи между предполагаемыми материальными потерями и установленными нарушениями Конвенции. Следовательно, Суд отклоняет данное требование о компенсации материального ущерба. Что касается требования о компенсации нематериального ущерба, Суд, исходя из принципа справедливости, назначает заявителю компенсацию нематериального ущерба в размере 27 500 евро, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

B. Издержки и расходы

85. Заявитель также просит о назначении компенсации издержек и расходов, понесенных при обращении в ЕСПЧ, а именно расходы на юридическую помощь и почтовые расходы, в размере 12 958 евро.

86. Государство-ответчик возразило, что данное требование не обосновано.

87. Суд повторяет, что заявителю полагается возмещение его издержек и расходов только в том случае, когда он показал Суду, что они действительно были понесены, были необходимы и разумны в объеме.

88. Суд отмечает, что данные расходы действительно были понесены заявителем, и что они были необходимы, однако не являются разумными в объеме. Приняв во внимание информацию, имеющуюся в распоряжении Суда, а также суммы компенсаций, назначаемые Судом в аналогичных делах, Суд считает разумной компенсацию в размере 2 000 евро, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

C. Выплата процентов

89. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Признал* жалобу приемлемой;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальной части;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальной части;
4. *Постановил*, что отсутствует необходимость рассматривать жалобу заявителя в значении статьи 13 Конвенции;
5. *Постановил*
 - (a) что государству-ответчику надлежит выплатить заявителю в течение трёх месяцев с даты вступления в силу настоящего постановления, в соответствии со статьёй 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты:
 - (i) 27 500 евро (двадцать семь тысяч пятьсот евро), плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы, в качестве компенсации морального ущерба;
 - (ii) 2 000 евро (две тысячи евро), плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы, в качестве компенсации издержек и расходов;
 - (b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
6. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 28 ноября 2013 г., в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Секретарь - Сёрен Нильсен
Секретарь Секции Суда

Председатель Палаты - Изабелла Берро-Лефевр
Председатель Палаты Суда